

Мария Арбатова

СТЕКЛЯННЫЙ ЗАНАВЕС

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А79

Ответственный редактор *К. Буянова*

Художественное оформление *А. Зининой*

Арбатова, Мария Ивановна.

А79 **Стекланный занавес : роман / Мария Арбатова. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с.**

ISBN 978-5-04-191104-1

«Стекланный занавес» — заключительная часть романа «Берёзовая роща», главная героиня которого Валентина Лебедева, провинциальная массажистка с талантом целительницы, оказывается самой рейтинговой телеведущей страны. Действие происходит в 1996 году, Россия бурлит в преддверии выборов президента, и на население впервые обрушиваются чёрные политтехнологии. Из-за мошеннически сделанной рекламы воды Валентина готова уйти с телевидения. Однако продюсер Ада Рудольф отправляет её «остыть» в представительских вояжах в Швецию и Данию, что помогает Валентине новыми глазами увидеть и себя, и свою страну. На приёме у датской королевы Маргрете Второй Валентина знакомится с целительницей из Боливии, и та проводит ей ритуал очищения. Вернувшись домой, Валентина становится жертвой грязных публикаций по поводу её отношений с депутатом Горяевым, входящим в ближний круг Ельцина. Но новая страница в связи с выборами президента открывается не только для всей России, но и для семьи Валентины: влюбляется и она, и её приёмная дочь Вика...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-191104-1

© Арбатова М., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Стекло — есть вещество неопределённого химического состава и не может быть выражено химической формулой.

Менделеев Д. И.

Посвящается Олегу Вите...

От автора

Часть третья

СТЕКЛЯННЫЙ ЗАНАВЕС

Вале казалось, что продажа квартиры её детства, пропитанной страхом и унижением, будет умело поставленной точкой на пережитом в родном городке. Но копеечная — по московским меркам — сделка вытащила на свет такие больные вещи, что сбила с ног.

Пришлось узнать, что барак Валиного детства на улице Каменоломке сожгли, кладбище с могилой бабушки распахали, а деревня Берёзовая роща вымерла. Да ещё и мать проговорилась по телефону, что пошла за отца, чтоб «прикрыть стыд». И Валя не плод короткой родительской страсти, а результат спланированного изнасилования.

До кучи несогласованный рекламный ролик. Чёрт Валю дёрнул рассказать Смитихе об эпизоде в фильме «Лесной богатырь», на съёмки которого попала с Лебедевым. Как сказала бы бабушка, «приехала в обозе».

Валя и сейчас не любила себя на экране, казалась тяжёлой, неповоротливой, не понимала, что в ней нашли Катя, Ада Рудольф и телезрители. А в начале рекламного ролика, выдранный из фильма «Лесной богатырь», она, перепуганная массажистка, и вовсе стояла столбом в похабном кокошнике, набирая воду из колодца.

В телевизионной логике Валя «поднялась» до «лица воды», а в собственных глазах была гнусно использованной и глубоко опозоренной. Как говорила бабушка, «не бойся суда, а бойся стыда».

8 И перечисленное, в котором подлое прошлое подмигивало подлому настоящему, опустошило и загнало Валю в такой депрессняк, что она не знала, к кому кинуться.

Но Вика приходила из ВГИКа за полночь, мать жила на другой ступеньке пирамиды Маслоу, Соня была далеко, Юлия Измайловна не различала таких сложных красок. Горяев снова исчез, а сотовый Льва Андроновича не отвечал.

Хотелось побыстрее начать приём больных в Центре «Валентина». Там Валя хотя бы понимала, кто она и зачем родилась на свет. Так что велела Маргарите обзвонить записавшихся.

Но в первый же день приёма на сотовый позвонила Ада Рудольф:

— Заскочи, Лебёдка, в Останкино. Надо нетелефонно побазарить.

— В шесть, — сухо ответила Валя и отключила сотовый, чего раньше себе с Адой не позволяла.

Не терпелось устроить разборку по поводу рекламы воды «Лесной источник», которую не показывали в Москве, и Ада не подозревала, что это позорище обрушилось на Валю в поездке.

Принимая последнего пациента, подкрашиваясь, сидя в такси в сторону телецентра, Валя прикидывала, как объявить об уходе с передачи, чтоб не навредить Вике. Ведь Ада могла так же легко дёрнуть за ниточку отчисления Вики из ВГИКа, как легко дёрнула за ниточку её бластного зачисления.

Думала-думала, ничего не придумала, решила пустить дело на самотёк.

В кабинете кроме Ады застала только Ларису Смит. Она всё ещё ходила в образе почвенно-ряженой с модно привязанной косой и перестала прикладывать по два пальца к каждому уху, обозначая западные кавычки, без чего прежде не могла построить ни одной фразы.

— Как Горяев? — заботливо спросила Ада вместо приветствия.

— Устаёт, — сдержанно ответила Валя его формулировкой.

— Слышала, что Лебедь и Жирик как бы готовы заключить союз в помощь Зюганову?

— Нет, — ещё сдержанней ответила Валя.

— А видела, Лебёдка, какими листовками накрыл город Явлинский? Там объявление о поиске кандидата на роль президента РФ с высшим экономическим образованием без «вредных привычек». И ни слова о вредной привычке удалять запойные мешки под каждые выборы!

— И что? — раздражаясь, спросила Валя.

— В этих листовках девять клеток кроссворда, куда вписывается его фамилия! Народ пишет в эти клеточки «Козлодоев!» — хохотнула Ада.

— Вызвала меня обсудить листовку Явлинского? — Валя изо всех сил сдерживалась.

— Вызвала обсудить доверенное лицо Ельцина, которое мы подогнали к новой передаче. Елену Голубеву! Это просто конфетка с шоколадкой! Лариска в ногах валялась, пока уговорила!

И Лариса Смит угодливо закивала. Валя нахмурила брови, пытаясь вспомнить, кто это.

— Из питерского заплыва во власть, — подсказала Ада. — Ректорша какого-то университета — теперь же каждое ПТУ стало академией.

— Сценарий готов? — спросила Валя, оттягивая вопрос о рекламе.

— Океюшки, завтра будет, — снова закивала Смитиха.

— Лариска пытается реабилитироваться после передачи про СПИД в Уганде. Надеется, что нас извлекут из-под обломков. — Ада захрустела фольгой. — Съёмка с Голубевой послезавтра. Шоколадку будешь?

10 — Нет.

— И правильно! Пять минут во рту, десять лет на талии. Забодали выборами! Думают, если меня приложить к дырочке, надую рейтинг Ельцина, как воздушный шар! Они весь срок сдували, а я за пару месяцев надую! — пожаловалась Ада, отгрызая шоколад от плитки. — Лично мне победа Зюганова до фонаря, это твой Горяев встретится с корешами на лесоповале. И их задача сейчас платить и платить, а не будить во мне романтическую любовь к демократии.

— Скажешь это ему сама, — холодно ответила Валя.

— А ещё, Лебёдка, Ельцин предложил Грише снять кандидатуру. А Гриша ему: «Гони за это двухпартийное правительство из кремлёвских и яблочных, а меня — в премьеры!» У страны «реша судьбаётся», а он про себя любимого!

— Значит, всё-таки у страны решается, а не только у Горяева. Значит, и у тебя, и у меня, и даже у Ларисы? — с нажимом спросила Валя.

— У меня всё решилось, только хочется жить с комфортом, — не к месту пожаловалась Лариса. — Не с парковкой, а с подземным гаражом. Не с цветочными горшками, а с зимним садом...

— С какой парковкой? С каким зимним садом? — не выдержала Валя. — В провинции людям жрать нечего!

— Я свой зимний сад ни у кого не украла! — вдруг провралось Ларису. — До Америки аспиранткой торговала проездными билетами! Искала место, где трамвайные пассажиры смешиваются с метровскими! Дралась с торговками семечками за полметра земли! Заглядывала прохожим в глаза, как проститутка, чтоб купили!

— Прекратите этот театр кишок, — поморщилась Ада.

— И я это делала много лет тому назад! До Америки, до ублюдка Смита, которого терпела, чтоб поднять детей! А эти тётки из провинции ждут, что им всё принесут на блюдечке

с голубой каёмочкой! — Лариса раскраснелась, и бумаги в её руках мелко дрожали.

— Негде им проездные билеты продавать, — напомнила Валя. — Там ходят пешком.

— Так пусть двигают поршнями. Пусть картошку сажают, валенки валяют. Почему у меня должно быть чувство вины за то, что они так и не проснулись? — Валя не ожидала от Ларисы такой экспрессии, видимо, попала в больное место.

— Чувство вины должно быть за то, что вы окопались на телевизионной раздаче и оболваниваете их! — повысила голос Валя.

— И ты как бы наш лучший инструмент для этого, — подлила Ада масла в огонь.

— Ошибаешься! — заорала Валя, отпустив тормоза. — Знаешь, как наркоманам очищают кровь? Прогоняют через угольный фильтр! И я — угольный фильтр, очищающий переработку от вашей заразы!

— Звёздная болезнь принимает тяжёлые формы, — показала головой Ада. — Но ты ещё не звезда. Ты ещё искра, из которой в моих мохнатых лапах возгорится пламя.

— А я, простофиля, как увидела рекламу воды, решила, что звезда, — ответила Валя как можно спокойней.

Повисла оглушительная пауза.

— Где ж ты её увидела? — спросила Ада, слегка подбравшись, и стала то ли объяснять, то ли оправдываться: — Я и сама не поняла, чего они с региональных каналов начали? И как тебе?

— Ужасней только реклама тампакса в критические дни, — ответила Валя, стараясь выглядеть равнодушной.

— А так и задумано, Лебёдка, чтоб ты выглядела своей, ближе к народу. Типа на дорогую рекламу у нас денег нет, — закивала Ада. — Но пипл хаваает!

— Пипл хаваает, а я не схаваю, — объявила Валя, аккуратно подбирая слова. — Надеюсь, до съёмки с Голубевой реклама будет ликвидирована.

— Да разве ж это реклама? Это как бы пробник. Можно сказать, пилот ролика. Ещё сто раз переделаем, — начала Ада наводить тень на плетень, словно Валя вчера приехала из деревни и ей можно вешать лапшу на уши.

— Мой юрист готов с тобой встретиться, — рявкнула Валя.

— Какой такой юрист? — подняла Ада модно выщипанную бровь, а Лариса вжалась в спинку кресла.

— Который предложил подать в суд, сделать пресс-конференцию и валить на другой канал, — озвучила Валя придуманную Викой конструкцию.

Получилось убедительно. Повисла новая оглушительная пауза. Ада, забыв о калориях, озлобленно дожевала шоколадку, скатала фольгу в шарик и швырнула в мусорную корзину. Промахнулась, выматерилась. Лариса вспорхнула, подняла шарик и услужливо донесла до цели.

— Гони своего юриста в шею, — наконец ответила Ада, покопалась в столе, протянула бумагу на бланке адвокатской конторы и ткнула пальцем: — Тут и тут читай!

В выделенных местах было написано, что фильм «Лесной богатырь», откуда взяты кадры для рекламы, снят до принятия соответствующего закона и кадры не требуют никакой оплаты. А кадры из передачи «Берёзовая роща», где Валя пьёт воду в студии, принадлежат Аде, поскольку ей принадлежит вся передача.

— Ты, Лебёдка, решений про другой канал пока не принимай, — заторопилась Ада. — Конечно, я — сука, держала тебя на хлебе и воде, но со следующего месяца подниму зарплату. Сговоримся — дальше поедем. Нет — разойдёмся и при встрече будем харкать друг другу в рожу. Идёт?

— Идёт, — сказала Валя, чтобы хоть чем-то закончить встречу, встала и вышла.

Прочитанная бумага была ударом под дых, Валя не могла справиться с собой. Не поехала на лифте, а медленно побрела вниз по неметёной останкинской лестнице. В лифте пришлось бы здороваться, улыбаться.

Получалось, что по закону Валю можно использовать для чего угодно. Например, для рекламы Жириновского. Нарезать кусочками, вставить в его ролик, и ни один суд не возразит, раз хозяйка передачи Ада.

И Валя принадлежит ей, как кукла Карабасу Барабасычу. Она смутно догадывалась об этом, но рассчитывала научиться переигрывать Аду. А рекламный ролик воды показал, что пространства для переигрывания не существует юридически.

Опустив голову, Валя пробежала сквозь охочую до автографов толпу перед охраной и, почти хлюпая носом, набрала сотовый Горяева:

- Я в Останкино. Пришли Славу к центральному входу.
- Уже едет, — ответил Горяев, испугавшись её тона.

Слава привёз Валю к металлической двери помпезного дома.

— Типа закрытый фитнес-клуб, — объяснил Слава, когда вышли из машины.

— А что это? — удивилась Валя.

— «Качалка» для богатых. — Слава набрал код на металлической двери и распахнул перед Валей дверь.

По телевизору показывали «качалки»: это были обшарпанные подвалы с обилием гирь, штанг и самопальных спортивных снарядов. Показывали и их крепких посетителей, качающих мышцы для применения на стрелках, тёрках и разборках.

Но здесь коридор был со вкусом отделан цветным пластиком, а туфли тонули в уютном ковре. Дежурно улыбающаяся

14 девушка провела Валу в маленький зал, где Горяев вышагивал в спортивном костюме по тренажёру с движущейся дорожкой, а рядом стояла девушка в чёрном обтягивающем купальнике.

— Не целуй, я потный, — сказал Горяев так, что девушка в спортивном купальнике смутилась.

— Виктор Миронович, пожалуйста, не как в прошлый раз. И зайдите померить давление, — попросила она и вышла из зала.

— Интересная у здешних медсестёр форма, — заметила Валя.

— Медсестра мне пока не требуется, а это инструкторша по фитнесу. Велели так тренировать сердце, — улыбнулся он.

— Для сердца нет ничего глупее тренажёра в зале с мёртвым воздухом. — Валя кивнула на загороженные окна.

— Тут, ласточка моя, дорогушие кондиционеры.

— Чем дороже кондиционер, тем в воздухе меньше отрицательно заряженных ионов, и в фильтрах быстрее накапливается токсическая плесень, — процитировала Валя Льва Андроновича, хотя могла сказать и своими словами. — А токсическая плесень в лёгких ведёт к аллергиям, хронической усталости и онкологии.

— К передаче про кондиционеры готовишься? — усмехнулся Горяев.

— Идея хорошая. Только, как говорит Ада, «за неё никто не заплатит». Шагать надо на даче.

— На дачу некогда даже с тобой!

Валя снова улыбнулась про себя; прослушки в подобных местах стоят даже в туалете. Хвастает, какой он ещё орёл.

— Ада хочет, чтоб я вела передачу с какой-то Голубевой, — начала она.

— Голубева — самая вменяемая из доверенных лиц. — Он шагал и шагал по движущейся дорожке, вытирая салфетками лоб.

На полу возле дорожки зазвонил сотовый, Горяев потянулся за ним:

— Здравствуйте! Зачем вам моё мнение, если всё решает союз напуганных олигархов?

Положил сотовый рядом с дорожкой.

— Берёза звонил. Хочет на кого-то повесить свои неделки. Думает, наступлю на те же грабли. Грабли, конечно, разного цвета, но и я не дальтоник, — сказал он, глядя перед собой. — Что пришла? Неужели соскучилась?

— Ты с ним так коротко?

— Берёза человек без церемоний, только король неточности. Как ни договаривайся, вовремя на встречу не придёт. Говорит, это часть маскировки, его же два года назад взрывали на Тверской. Водителя в куски разорвало, и куски на него посыпались...

— Кто взрывал? — спросила Валя, чтоб потянуть время.

— Считается, что ореховский Сильвестр. Ответочку послали, Сильвестра в том же году в машине взорвали. Кстати, спрашивал, почему «Берёзовая роща» не на его телеканале? Было б складно.

— Легко с ним делать дела?

— Он хотя бы честно признаётся: работаю только на одного человека, меня интересует только его мнение.

Обсуждать рекламу воды стоило в машине, Виктор предупреждал, что машину проверяют на предмет жучков.

Валя присела на скамейку, почему-то вспомнила, как впервые увидела Горяева, когда вызвали сделать массаж министру. Как влюбилась с первого взгляда. Как потом потеряла его на девять лет и как случайно нашла в этом самом распроклятом Останкино, опозорившим нынче её на всю страну.

В воспоминания резко вонзилась мысль, что делит его в постели с женой. Зачем она спросила об этом? Зачем он ответил правду? Ведь до этого всё было хорошо...

— С выборами полная засада. — Горяев ускорил шаг на дорожке. — Политтехнологи боятся думать. «Голосуй или проиграешь» — перевёрнутый слоган компании Клинтон «выбирай или проиграешь». Теперь они его перекроили на «Голосуй, и ты победишь!». Хотят жить и работать по кальке, чтоб и ответственность была на кальке.

— Других политтехнологов нет?

— Откуда, если в стране семьдесят лет не было выборов? Когда выиграем, о нас напишут учебники, потому что при нынешних рейтингах это нереально. Но мы клали на мировой политехнический опыт с прибором. Мы вместо этого купили за две копейки Лебеда.

— Ада сказала, что он с Жириком создаёт союз за Зюганова.

— Уже переиграли. Один парень с исторической фамилией Вите придумал сценарий получше.

— Олег Вите? Он Вике в Питере мозги вправлял, и Ада ездит к нему спрашивать, что происходит в стране.

— Олег Вите работает в Волынском в группе Сатарова, а тому надо чем-то прикрыть свою лажу с двухпартийной подушкой из нас и Рыбкина на выборах в Думу, — стал разъяснять Горяев. — Когда Сатаров принёс сценарий Вите, что Лебедь сдаёт голоса Ельцину и получает должность, все плевались. Зачем нам Лебедь с его шутками поручика Ржевского? Потом поняли, что это гениально.

— Лебедь грубый, но жена у него симпатичная, — зачем-то добавила Валя.

— Он и шутит, что настоящая семья — это когда муж храпит, а жена — глухая. Дали Олегу Вите за эту идею премию аж три тыщи рублей, при том что на выборах деньги воруют вагонами.

— Дайте больше, — возмутилась Валя, — Аде тоже не стыдно меня обворовывать.

Но Горяев словно не расслышал, сошёл с дорожки и стал лупить красную боксёрскую грушу. Красивый, потный, отлично сложенный. Ещё и хвастал как мальчишка:

— Смотри, вот стойка для рукопашного боя. Бью правой от плеча — левая закрывает челюсть и сердце, потом бью левой в ту же точку — правая закрывает челюсть и печень. Лоб должен торчать вперед. Носом или глазами чужой кулак поймашь — тебя вырубил.

— Драку с Зюгановым репетируешь? — улыбнулась Валя.

— С Зюгановым не дерёмся, он пустой, страну не потянет. Просто в России свободу традиционно насаждают насильно, как картошку при Екатерине и кофий при Петре. Подождёшь, пока я в душ?

Встречавшая Валу девушка повела её в холл и заварила травяной чай. Валя чувствовала спиной, как девушка перемигнулась с инструкторшей в чёрном купальнике, мол, известная телеведущая, а таскается за любовником, стыд потеряла. Но было наплевать.

Вспомнила, что раньше неделями ждала звонка Горяева, срывалась как сумасшедшая, не по разу пролистывала в памяти последнюю встречу, эпизод за эпизодом. А теперь сама звонит, когда надо. И он уступает, хотя ему не до встреч.

В машине Горяев предупредил, что спешит на совещание, но завезёт Валу домой.

— Ездил квартиру продать в родном городке, — начала она.

— Зря, недвижимость — лучшее место для вложения денег.

— Ты ещё, как Ада, посоветуй купить туалет в парке!

— Туалет в парке? Очень остроумно!

— А отмену смертной казни вы по-честному приняли?

— Горжусь, что продавили и перестали быть людоедами.

— Послушай, — перешла Валя к главному, — Ада взяла эпизод, где я снялась с Лебедевым в фильме-сказке, при-

18 клеила к нему кусок из студии, где пью воду, и гоняет это как рекламный ролик. Показала бумагу, что моего согласия не требуется, денег не полагается и запретить это я не могу!

— За рекламу не полагается денег? — усомнился он.

— Потому что я — крепостная, целиком ей принадлежу! И должна после этого вести передачу с твоей Голубевой!

— Голубева нужна срочно. Это выборы. «Всё для фронта, всё для победы!» — ответил Горяев. — Сколько стоит ролик? Сам заплачу сколько скажешь.

— Мне ни твоих, ни Адиных денег не надо! Я хочу чувствовать себя человеком, а не половой тряпкой! — обиделась Валя.

— Рудольф — рысь тренированная, разберусь с ней потом. Но программа с Голубевой должна выйти. Пойми, раньше таких выборов не было, не привлекались такие деньги и такие чёрные технологии.

— Твой Олег Вите Вике говорил, телик только инструмент, подумай, что именно хочешь делать этим инструментом. Я была в передаче голосом простых людей и, когда они мне поверили, стала инструментом втюхивания воды. Сам знаешь, всю эту воду льют из одного крана.

— Реклама — работа звёзд.

— Ты как глухой... — вздохнула Валя.

— Глухой до конца выборов. И мне это так же тяжело, как тебе, — ответил Горяев и зарылся лицом в её волосы.

Валя не преувеличивала собственной роли в батальном полотне выборов президента, но ведь ехала к Виктору если не за защитой, то хотя бы за утешением. Она обиделась и молчала до конца маршрута.

Дома встретил радостно гавкающий Шарик с новым бантом, Вика рано вернулась из ВГИКа и плескалась в ванной, а мать прилипла в большой комнате к телевизору.

— Борщ на плите, макароны по-флотски и компот, — не поворачиваясь, бросила мать. — Слышь, доча, наши взяли Бамут и Лысую гору!

Валя сняла со стула Викин рюкзак, чтобы присесть к телевизору, но молния на нём была расстегнута, и оттуда тревожно белело что-то незнакомое. Лазить по чужим рюкзакам нельзя, но белый материал сигнализировал об опасности.

Поборовшись с собой, Валя вышла с рюкзаком в кухню, чтоб не видела мать. Белым оказался медицинский халат с недовышитыми нитками мулине инициалами «М.С.». Было трогательно, что Вика кривовато вышивает инициалы на отцовском халате, не попросив мать, которая бы всяко сделала это лучше.

— Уроем Адку за рекламу? — спросила Вика перед сном.

— Она показала бумагу, что всё по закону. И на следующую съёмку я не могу не выйти — Виктор просил.

— Попадалово, — присвистнула Вика. — Но если тебя так штырит реклама, давай метнёмся на другой канал. Адка тут же по...рит рекламу «Лесного источника». На фиг ей пиарить звездень с чужого канала?

— Виктор решит, что я дезертировала с выборов. Виделись сегодня. Сам никакой, ведёт себя будто я его секретарша, — пожаловалась Валя.

— Да всё у вас путём, просто сейчас без рок-н-ролла. Сейчас время патроны подносить, — успокоила Вика. — Риелторша Дина звонила, завтра смотрим новую квартиру. В двух шагах от Кремля!

— В двух шагах? У нас на такую денег не хватит, — ответила Валя, но услышала, что Вика уже мирно сопит.

Утром разбудил звонок Кати:

— Опять ты, Валь, выделываешься?

— А ты в курсе рекламы воды? — спросила Валя.

20 — Видела, что лепили. Но пальцы не гни, это твоя первая реклама. Слава богу, не слабительное.

— И ничего, что её крутят по регионам, не согласовав со мной?

— Адка в своем репертуаре! — охнула Катя. — Велела тебя пугнуть, что передача с Голубевой проплачена, эфир прямой, дублёрша твоя не справится. Выход только взять Таньку Кольшкину.

— Кольшкину? — переспросила Валя. — Она ж не просыхает!

— Итак, она звалась Татьяна, но на работе вечно пьяна. Кольшкина, Валь, профессионал — приходит бухая, кажется, ложкой не соберёшь, а потом встаёт и чешет по телесуфлеру без запинки.

— У неё лицо стёртое ластиком.

— Зато она живёт с кем надо.

— И ребёнок от него?

— Ребёнок в основном от другого. Короче, на съёмку не выходишь?

— Выхожу, Виктор просил. Но почему сценарий опять пишет Смитиха, а не ты?

— Я в зарплате не теряю, но тоже хочу понять, что такого в этой американской рептилии? Тем более её передача про СПИД в Уганде так провалилась.

Квартира неподалёку от Кремля, куда после работы привела Валу с Викой нехорошо похудевшая риелторша Дина, ужасала. Пристойный подъезд перетекал во что-то запущенное пятикомнатное.

Стены коридора были не просто грязными, а жирными и липкими от грязи. Казалось, этой жирной грязью пропитан сам воздух квартиры.

Две первые комнаты занимали мама с дочкой и ухоженным котом в ошейнике с блёстками. И было неясно, как все трое